

Автор второй редакции Хронографа не стесняется приводить мнения, резко расходящиеся с его собственными. Он собирает все „за“ и „против“, подвергая их строгому разбору. Так, например, в Хронографе полностью переданы слова сторонников Тушинского вора о Василии Шуйском, которого автор второй редакции Хронографа в общем идеализирует. Эти „крамольницы“ и „мятежницы“ так отзывались о Шуйском: „а ныне его ради кровь проливается многая, потому что он человек глуп и нечестив, пьяница и блудник и всячествованием неистовен, царствования недостойн“.¹ В противовес этому мнению приводится и другое: „Сия же слышавше и мнози от народа рекоша к ним сице: «государь наш царь и великий князь Василей Иванович сел на Московское государство не сильно, выбрали его быти царем большие бояре и вы, дворяне, и все служилые люди, а пиянства и всякого неистовства мы в нем не ведаем; а коли бы таковому совету быти, ино бы тут были большие бояре да и всяких чинов люди»“.²

То же преломление характера исторического лица через народную молву, слухи, иногда сплетни опять-таки встречаются и во „Временнике“ Ивана Тимофеева, и в „Словесех дней“ Ивана Хворостинина.

У Тимофеева окружена этой народной молвой смерть Грозного: „Глаголаху же нецыи, яко прежде времени той, яростнаго ради зельства, от своих раб подъя угашение своая жизни, яко же и чадом его по нем они сотвориша тожде. Смерти же его во странах языческих, яко о празднице светле, много сотворися радость, и весело воспле-скаша руками“.³

У Хворостинина в связи с народными толками дана характеристика Гермогена: „яко же слышахом, етери глаголюще, яко соблазн и смущение патриарх той сотворил есть и возведе люди своя братися на враги, владуща нами...“.⁴

Итак, человеческие характеры не неизменны, они могут изменяться под влиянием других людей или с переменой обстоятельств. В них могут совмещаться и дурные и хорошие качества. Человек по природе своей ни абсолютно добр, ни абсолютно зол. Беспорочных людей нет. Противоречивость, контрастность авторских характеристик исторических лиц служат как бы удостоверением их объективности, так как только таким и может быть человек в представлениях первой половины XVII в. Характер человека преломляется в толках о нем. Историческое лицо оценивается в исторической перспективе в его „социальной функции“.

Это новое представление о человеческом характере сказывается во всех деталях восприятия исторических лиц.

¹ Там же, стр. 198.

² Там же.

³ Русская историческая библиотека, т. XIII, стр. 449.

⁴ Там же, стр. 556.